

УДК 316

Т.А. Марченко,

доктор социологических наук, профессор

М.В. Ткачев,

кандидат социологических наук, доцент

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

НИЦШЕ: ЗА РАМКАМИ ОТНОШЕНИЙ «СВОБОДА-ПОДЧИНЕНИЕ»

**[*Marchenko T.A., Tkachev M.V.*Nietzsche:
beyond the relation frames: “freedom-submission”]**

It is considered the insufficiently studied aspect of the philosophy of Friedrich Nietzsche: his understanding of the characteristics of the social development positions of instinctivism. In the understanding of Nietzsche's will to power is the primary instinct of self-preservation, which manifests itself in all kinds of activities and has a lot of modifications. It is shown that the rationalization weakens manifestation instinctive force, makes a man unfree, and yet freedom, according to Nietzsche, is the only true essence of man, laid down at the level of physiological instinct: "There is no spiritual reasons." Noting divisiveness Nietzsche views on the nature of freedom, that Nietzsche is not separated from the tyranny, the authors insist on the need to study the phenomenon of freedom in multiparadigmatic key of psychophysiological individual expression.

Keywords: power, morality, instinct, freedom.

Природа жизненной силы, энергии как основы человеческой свободы, о которых писал Ф. Ницше, интересовала немногих исследователей. Чаще в учебной и научной литературе обсуждаются его идеи о том, что степень выраженности жизненной силы, энергии у всех людей различна и поэтому они делятся на «господ» и «рабов». Ницшеанская этика, отношения власти и подчинения являются предметом повышенного интереса ученых. Особенно часто анализируется мнение Ницше относительно того, что нужно дать Господам «флаг в руки» и они, будучи свободны от всяких моральных ограничений, спасут нацию от вырождения, хаоса, конца, социализма, наконец! Парижскую Коммуну Ницше считал «легким несварением желудка», по сравнению с тем, что, по его мнению, может произойти в духе социалистической идеи – «до конца продуманной

тирании ничтожнейших и глупейших.... Однако... они могут во многих местах Европы перейти к насильственным актам и нападениям; грядущему столетию предстоит испытать по местам основательные колики...» [2].

Но недоосмысленным даже антропологами до настоящего времени остается тот факт, что Ницше строит свою систему морали, не ограничиваясь отношениями власти и подчинения. Он полагает, что созданная ученым, художником, композитором система ценностей является истиной и смыслом творчества лишь тогда, когда возвращает людям *мужество их естественных инстинктов*. Если выразится словами поэта Ф. Гельдерлина, которого Ницше предпочитал всем другим, то человека вдохновляет природы «таинственная жизнь, избытком сил сопричащаясь с ним» [1, с. 98-99].

Условием социального развития, по Ницше, является устранение «вообще из жизни идиосинкразии общественности (вина, наказание, справедливость, честность, свобода, любовь и т.д.)». Он полагал, что необходимо препятствовать низкой самооценке человека не как индивида, а как природного существа и т.д. [2, с. 98]. В своей работе «Явление Вагнер» он рассуждает о том, что в рамках определенной моральной системы вряд ли возможно органическое творчество¹. Оно возможно лишь тогда, когда человек движется к естественности, повинуюсь мощному инстинкту.

Быть способным творить, по Ницше, значит быть сильным, наделенным инстинктом, волей к власти, в содержание которых «всегда входит в то же время способность *приносить пользу* и способность *вредить*. Но «вредить» – зачастую путь к более сильному роду, виду, состоянию [2, с. 256-257]. Выделяя один главный инстинкт самосохранения – волю к власти, он обосновывает, *что этот инстинкт имеет множество модификаций и проявляется во всех видах деятельности*. Человек только тогда творец, когда в нем силен инстинкт именно в той области жизни, в какой он творит или пытается творить [2, с. 153]. Ницше считает, что ученым, философом, музыкантом надо быть по инстинкту. Вагнер, которому введом не ницшеанская мораль, по мнению Ницше, музыкантом «по инстинкту» не являлся. Вагнер был по инстинкту актером.

Ницше полагал, что общее превращение искусства в нечто актерское выражает физиологическое вырождение. Поэтому и Вагнера Ницше считал совершенным декадентом, у которого построение системы, стиля – искусственно, но

¹ «Органическое», разумеется, как это понимал Ницше – жизненная сила человека, его инстинкты и связь с природой, с Всеобщим, которому неведомы добро и зло.

детали истинны и правдивы. Приведем обширную цитату. Ницше пишет: «У Вагнера началом служит галлюцинация: не звуков, а жестов. К ним-то и подыскивает он звукосемиотику. Если хотите подивиться ему, то посмотрите, как он работает тут: как он тут расчленяет, как он добывает маленькие частности, как он их оживляет, выращивает, делает видимыми. Но на этом исчерпывается его сила; остальное не стоит ничего.... Что Вагнер переряжает в принцип свою неспособность к органическому творчеству, что он устанавливает «драматический стиль» там, где мы устанавливаем лишь его неспособность к стилю вообще, это соответствует смелой привычке, сопровождавшей Вагнера всю жизнь: он пристегивает принцип там, где у него не хватает способности (очень отличаясь этим, кстати сказать, от старого Канта, любившего *другую* смелость: именно, всюду, где у него не хватало принципа, - замещать его «способностью» в человеке....).... Вагнер не был музыкантом по инстинкту. Он доказал это тем, что отбросил все законы, говоря точнее, всякий стиль в музыке, чтобы сделать из нее то, что ему было нужно, - театральную риторику, средство выражения, усиления жестов, внушения, психологически картинного... *Довольно* элементарного – звука, движения, окраски, словом, чувственности музыки» [3, с. 538-539].

А Бизе, по-видимому, являл собой воплощение музыкального инстинкта. Ницше говорит о том, что многие художники, в отличие от Бизе, обычно превратно понимают любовь: «Они считают себя бескорыстными в любви, потому что хотят выгод другого существа, часто наперекор собственным выгодам. Но за это они хотят *владеть* этим другим существом.... Даже Бог не является здесь исключением.... Он становится ужасен, если ему не платят взаимностью» [3, с. 529].

Эту беспощадность любви чувственно и чувствительно, весело рисует Бизе. Ницше пишет, что это «веселость – африканская: над нею тяготеет рок, ее счастье коротко, внезапно, беспощадно. Я завидую Бизе в том, что у него было мужество на эту чувствительность, которая не нашла еще до сих пор своего языка в культурной музыке Европы... Наконец любовь, переведенная обратно на язык *природы* любовь! *Не* любовь «высшей девы»! Не сента-сентиментальность! А любовь как фатум, как *фатальность* циничная, невинная, жестокая – и именно в этом *природа*! Любовь, по своим средствам являющаяся войною, по своей сущности – *смертельной ненавистью* полов! – Я не знаю другого случая, где трагическая соль, составляющая сущность любви, выразилась бы так строго, отлилась бы в такую страшную фор-

мулу, как в последнем крике дона Хосе, которым оканчивается пьеса: Да! Я убил ее, я – мою обожаемую Кармен!» [3, с. 528-529].

Резюме, которое подводит Ницше, логично вытекает из его взглядов. Он пишет: «Инстинкт ослаблен, если он рационализируется: ибо тем, *что* он рационализируется, он ослабляется. Если есть признаки того, что, несмотря на общий характер европейского декаданса, в немецком существе все еще живет некоторая степень здоровья, инстинктивное чутье вредного и опасного здоровью, то я менее всего хотел бы, чтобы в их числе игнорировали это *тупое* сопротивление Вагнеру. Оно делает нам честь...» [3, с. 546].

Общепризнанные мысли о том, что свобода у Шопенгауэра, Ницше – субъективна, основаны на смешении понятий «субъективное» и «субъектное», то есть субъекту принадлежащее. Свобода у названных философов – это не свойство сознания, даже не свойство мозга, а единственная подлинная сущность человека, заложенная на уровне физиологического инстинкта: «Нет никаких духовных причин».

Ницше, у которого свобода и воля скорее инстинкт, нежели состояние сознания, пишет о так называемом «заблуждении ложной причинности».

Ницше иронизирует по поводу понимания под причиной тех или иных фактов и событий различных состояний сознания. Он утверждает неспособность стать причиной так называемую «область «знаменитых «внутренних фактов», из которых ни один до сих пор не выказал своей фактичности. Мы воображали самих себя основанием в акте воли; мы полагали, по меньшей мере, что *поймали тут причинность с поличным...* Мы не верим ныне ни одному слову из всего этого. «Внутренний мир» полон призраков и блуждающих огней: воля есть один из них... Нет никаких духовных причин!» [4, с. 584].

Человек у Ницше – «... *не* есть следствие собственного намерения, воли, цели, в лице его *не* делается попытка достигнуть «идеала человека» или «идеала счастья», или «идеала нравственности», - абсурдно *свалить* его сущность в какую-нибудь цель. Мы изобрели понятие «цель»: в реальности *отсутствует цель...* Являешься необходимым, являешься частицей рока, принадлежишь к целому, *существуешь* в целом - нет ничего, что могло бы судить, мерить, сравнивать, осуждать целое... *Но нет ничего, кроме целого!*» [4, с. 587-588].

Это целое – природа или Универсум дает человеку, согласно Ницше, инстинкт самосохранения – волю к власти, который, конечно же, не есть в

прямом смысле слова борьба за властные полномочия (как ни странно, именно такое понимание воли к власти у Ницше мы встречаем у многих политических философов), но, модифицируясь, изливается потоком творческой энергии в материальном, социальном или духовном творчестве. Творчество созревает в уединении, и только так человек, имеющий дар, может «вознести к свету высший порядок и истину, которые живут в нем» [5, с. 60]. Почти как у христиан – человеческая душа познает себя в уединении.

Ницше пишет о том, что это уединение и одиночество вызывает у людей враждебное отношение. Людей, которые несут в себе «высший порядок и истину», Ницше называл полубогами, необыкновенными людьми, которые резко отличаются от основной массы. Для них одиночество неизбежно, но это единственный путь, на котором проявляется творческая одаренность.

Ницше пишет: «Они знают, эти одинокие и свободные духом, что они всегда кажутся в чем-либо не тем, что они суть по своим мыслям... и самое ужасное противоядие от необыкновенных людей – это вогнать их так глубоко в самих себя, что их обратное движение к жизни оборачивается всякий раз вулканическим взрывом. Но встречаются полубоги, которые умеют жить при таких ужасных условиях и даже жить победоносно, и если вы хотите услышать их одинокие песни – слушайте музыку Бетховена» [5, с. 62-63].

Человек наделен свободой как совокупным и определяющим качеством, как сложным природным инстинктом жизни, влекущим за собой активность действий, одни из которых поддаются рациональному объяснению, а другие – нет.

Такое понимание, характерное для Ницше, позволяет ему не отделять непроходимой гранью свободу от произвола. Вот какую аналогию он приводит: «Здоровье и болезнь не разнятся одно от другого по существу... Не следует делать из них различные принципы и сущности, которые ссорились бы из-за живого организма и делали бы его местом своей борьбы. Это – глупость и пустая болтовня, ни к чему не пригодная. Фактически между этими двумя родами существования есть только различие в степени: преувеличение, диспропорция...» [2, с. 56]. «Христианство, революция, отмена рабства, равенство прав, филантропия, миролюбие, справедливость, истина – все эти великие слова имеют цену лишь в борьбе, как знамена, – не как реальности, а как **пышные наименования** для чего-то совсем иного /даже противоположного!» [2, с. 76].

Ницше объясняет факт наличия в человеческих поступках ценностей, противостоящих высшим человеческим ценностям /о которых так много дискутировали светские и религиозные философы/ через отрицание, через обоснование «вымышленности» понятий «единство», «цель», «истина». Этими понятиями, по мнению философа, «не может быть истолкован общий характер бытия» [там же, с. 40]. А человек с его поступками, согласно Ницше, встроен в этот общий характер бытия. «Характер», но не «порядок».

«Воля к власти» у него своеобразная энергия, жизненная сила, всеобщий инстинкт, помогающий выживать человеческим сообществам, делающий «фикцией» общепринятые, но не реализуемые в общечеловеческом масштабе, моральные нормы. Несмотря на вечную спорность взглядов Ф. Ницше на природу свободы, его идея относительно того что «свобода», являясь социальным феноменом, имеет основания в психофизиологической природе человека достойны специального глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гельдерлин Ф.* Эмпедокл / Предисловие А.В. Луначарского. Пер. Я. Голосовкера. Москва-Ленинград, 1931 / <http://imwerden.de>
2. *Ницше Фридрих.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.
3. *Ницше Ф.* Явление Вагнер // Фридрих Ницше. Соч. в двух томах. СПб, 1998. Т.2.
4. *Ницше Ф.* Сумерки идолов или как философствуют молотом // Фридрих Ницше. Сочинения в двух томах. Санкт-Петербург, 1998. Т.2.
5. *Ницше Ф.* Шопенгауэр как воспитатель // Ницше Ф. Избранные произведения. М., 1993.

REFERENCES

1. *Hölderlin F.* Empedocles / AV Foreword Lunacharsky. Lane. Ya Golosovker. Moscow-Leningrad, 1931 / <http://imwerden.de>
2. *Friedrich Nietzsche.* Will to Power: The Experience of revaluation of all values. M., 1994.

3. *Nietzsche, F.* Wagner phenomenon // Friedrich Nietzsche. Op. in two volumes. St. Petersburg, 1998. V.2.
4. *Nietzsche, F.* Twilight of the Idols, or philosophize like a hammer // Friedrich Nietzsche. Works in two volumes. St. Petersburg, 1998. V.2.
5. *Nietzsche, F.* Schopenhauer as Educator // Selected Works of F. Nietzsche. M., 1993.

17 июня 2014 г.
